

УДК 811.133.1'36

Л. П. Казловская, Н. Н. Бартош

Минск, Беларусь

**О ГРАММАТИЧЕСКИХ АНОМАЛИЯХ
В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

В статье рассматриваются особенности функционирования некоторых грамматических аномалий в современном французском языке. Описываются причины их возникновения, роль и место в системе языка, а также их коммуникативно-прагматическая специфика.

Ключевые слова: *языковые аномалии, грамматические аномалии, морфология, синтаксис, языковая норма, нарушение, говорящий.*

L. P. Kazlovskaya, N. N. Bartosh

Minsk, Belarus

ABOUT GRAMMATICAL ANOMALIES IN MODERN FRENCH

The article analyzes (considers) the peculiarities of functioning of some grammatical anomalies in the modern French language. The causes of their appearance, their role and place in the language system, as well as their communicative and pragmatic specificity are described.

Key words: language anomalies, grammatical anomalies, morphology, syntax, language norm, violation of the norm, speaker.

В последние десятилетия предметом многочисленных лингвистических исследований становятся различного рода нарушения языковой нормы, получившие название языковых аномалий. Внимание ученых привлекают, в первую очередь, намеренно допускаемые «некорректные» употребления языковых единиц в устной и письменной речи, которые оказываются функционально значимыми в определенной коммуникативной ситуации. Далеко не всегда ненормативное использование и сочетание языковых средств, приводящее к разрыву структурно-семантических связей между элементами высказывания, влечет за собой риски коммуникативных сбоев и неудач. Напротив, осознанное применение разнообразных отклонений от системных правил и закономерностей способно привести к «контекстуальному переосмыслению» отдельных компонентов высказывания и даже его полной «перекодировке», в результате чего сообщаемое приобретает дополнительные смыслы [1, с. 6].

Современные лингвисты не усматривают в аномалиях угрозу разрушения («деструкции») языковой системы. Более того, квалифицируя аномалии как «системообразующий фактор», их представляют скорее как созидательный и конструктивный феномен. Будучи семантически и прагматически насыщенными, авторские аномалии нередко становятся источником обогащения языковой системы, расширения ее границ и повышения ее «адаптивного потенциала» [2, с. 3, 296]. В этой связи языковые аномалии все чаще рассматриваются в русле лингвокреативности с точки зрения их эстетических, экспрессивных и выразительных возможностей. Исследователями отмечается, что аномалиям, как правило, свойственен развлекательный и игровой характер, благодаря чему они способны имплицитно доносить скрытую (порой сложную и нестандартную) информацию до адресата, обладающего достаточными языковыми компетенциями, чтобы понять, что это «нарочно так сказано» и имеет особый смысл.

В настоящее время предлагаются самые разнообразные классификации аномалий: намеренные и ненамеренные; авторские и экспериментальные; относительные и абсолютные; переосмысляемые и непереосмысляемые; индивидуальные и типичные; аномалии степени и аномалии тавтологии и др.

[3, 1]. Аномалии наблюдаются на всех уровнях языка – фонетическом, лексическом, грамматическом. Последние – предмет настоящего исследования – представляют собой «разного рода отклонения, связанные с аномальной вербализацией грамматических категорий, аномальным заполнением синтаксических позиций или нарушением синтаксических моделей и пр.» [2, с. 49].

Следует отметить, что во французском языке термин «аномалия» до сих пор используется в двух значениях. С одной стороны, об аномалиях говорят, когда речь идет о нарушениях существующих норм и правил: «En linguistique moderne, une phrase est dite anormale quand elle présente des divergences au regard des règles de la langue» [4, p. 37]. С другой стороны, в своем классическом понимании аномалия противопоставляется термину «аналогия» и фактически соответствует понятию «исключение из правил»: «tout emploi qui ne pouvait pas s'expliquer en faisant jouer une régularité d'un certain type» [Там же]. В современном французском языке термин «аномалия» продолжают использовать в отношении исторически сложившихся парадоксов и противоречий между однотипными формами, образованными по единому образцу, и, казалось бы, «нелогичными» формами, которые тем не менее остаются надежно закрепленными в языке. Ср., например, прилагательное м.р. *dissous* 'растворившийся, распустившийся' и его нестандартную («аномальную») форму ж.р. *dissoute*.

Грамматика любого языка – это сложная и устоявшаяся система, организованная, функционирующая и развивающаяся по строгим внутренним законам. Однако и эта упорядоченная система не обладает «абсолютной жесткостью». Когда «сохранение норм» становится «препятствием» для выражения «истинных чувств и состояний» [5, с. 18], она обнаруживает достаточную гибкость и подвижность, позволяя говорящему творчески использовать ресурсы морфологии и синтаксиса в соответствии с текущими коммуникативными потребностями и задачами. Выделение грамматических аномалий (морфологических и синтаксических) в отдельную группу представляется необходимым и целесообразным ввиду «особой функциональной значимости грамматического уровня в системе языка». Именно грамматика «отвечает за репрезентацию “операционной оболочки” мысли, облигаторных и потому наиболее релевантных обобщенных способов языковой категоризации мира» [2, с. 232]. В этой связи грамматические аномалии представляют собой чрезвычайно важный объект для исследований, позволяющий постичь глубинные механизмы «языковой девиации» и ее функциональной значимости в тексте.

Рассмотрим некоторые случаи отклонений от нормативных правил современной французской грамматики.

Как известно, одним из наиболее гибких грамматических инструментов, позволяющих говорящему выражать самый широкий спектр вторичных – прагматических – значений, по праву считается артикль, в особенности его нулевая форма. Так, в следующем примере известный французский поэт А. Мишо (H. Michaux) намеренно прибегает к нулевому артиклю перед

именем существительным *haine* ‘ненависть, злость’ для того, чтобы подчеркнуть остроту испытываемых им переживаний и тем самым привлечь внимание адресата:

1) *Il y a haine en moi, forte et de date ancienne...* ‘Во мне обитает сильная застарелая злость’ (пер. А. Поповой).

Нестандартное использование артикля является отличительной чертой эмоциональной французской речи. Например, в восклицаниях при первичном упоминании объекта или явления нередко используется определенный артикль вместо требуемого, согласно правилам грамматики, неопределенного артикля. Ср.:

2) *Oh la jolie poupée!* (G. Bouillier, *Le dossier M.*, Livre 2) ‘Ой, хорошенькая куколка!’;

3) *Oh la géniale arnaque!* (Там же) ‘Ох, гениальное жульничество!’

Подобное отклонение от стандартной грамматической нормы обуславливает экспрессивный характер высказывания. При этом определенный артикль выполняет выделительную (эмфатическую) функцию: внимание адресата «направляется» не только на называемый предмет, но и на его характеристики, послужившие причиной эмоциональной реакции говорящего (‘хорошенькая’, ‘гениальное’). Сказанное подтверждается возможностью замены определенного артикля прилагательным *quel* ‘какой’, предназначенным для усиления качественной оценки в восклицательных высказываниях. Ср.: *La géniale arnaque!* → *Quelle géniale arnaque!*

В сфере функционирования глагола в числе аномалий можно отметить намеренное использование говорящим некорректных временных форм. Это можно наблюдать, например, в песне «*Dès que le vent soufflera*» (‘Как только подует ветер’) известного исполнителя Renaud (Рено Сешан):

4) *Dès que le vent soufflera je repartira* (вместо *repartirai*)

Dès que les vents tourneront nous nous en allerons... (вместо *nous en irons*)

‘Как только подует ветер, я вновь уйду в море

Как только ветер сменит направление, мы отправимся в плавание’...

Как отмечает Ж.-Ф. Саблероль, подобным образом поэт и исполнитель как бы стремится сблизиться с максимальным числом своих слушателей (‘вступает с ними в сговор’: «il crée ainsi une connivence»), поэтому намеренно делает ошибку, свойственную детям или недостаточно грамотным людям [6, p. 39].

В иных случаях авторы вынужденно используют несуществующую глагольную форму ввиду дефектности глагольной парадигмы (при этом отказ от выбора глаголов-синонимов с полной парадигмой спряжения можно объяснить нежеланием нарушить общую стилистику повествования). Подобное можно, в частности, отметить на примере глагола *clôre* ‘заканчивать, закрывать’, не имеющем в современном французском языке форм простого прошедшего времени *passé simple*. Например:

5) *Ils closirent leur repas, elle par une mousse au chocolat, lui par une tarte...* (R. Jorif, *Le Burelain*) ‘Они завершили обед, она – шоколадным муссом, он – пирогом’.

Встречаются также «аномальные» употребления глагольных наклонений. Например, современная французская грамматика запрещает некогда допустимое использование условного наклонения *Conditionnel* в придаточном условном предложении после союза *si* ‘если’. Однако после выхода на экраны в 1962 г. фильма «*La Guerre de boutons*» (‘Война пуговиц’) в обиход активно вошло аграмматичное выражение *si j’aurais su!* ‘если бы я знал!’ (правильная форма – *si j’avais su!*). Постепенно оно превратилось в устойчивую шутливую конструкцию, к которой прибегают в ситуациях, когда иронично сетуют на нечто, чего следовало бы избежать. Идея подобной аномалии была активно подхвачена носителями языка, и в настоящее время можно встретить множество ее вариантов и у авторитетных авторов, и в прессе, и в радио- и телепередачах.

Как уже отмечалось, ни система, ни языковая норма не обладают абсолютной стабильностью. Язык, чтобы быть совершенным орудием общения, должен позволять сказать все, даже то, для чего нет специального обозначения. Поэтому норма «расшатывается» и предлагает новые варианты. Прошедшее время условного наклонения после *si* вместо предпрошедшего времени индикатива (*plus-que-parfait*) помимо иронии может указывать на стремление говорящего точнее выразить свою мысль и подчеркнуть, что условие – это лишь предположение / гипотеза, которое могло бы иметь место в прошлом, например:

6) ... *si j’aurais eu la prudence, moi, de ne donner qu’un sou à la femme. Et qui sait, peut-être non?* (J. Giono, *Angelo*) ‘... хватило бы у меня осторожности дать только один су этой женщине. Кто знает, возможно, нет?’;

а также выразить сожаление или указать на свое особое отношение к какому-либо факту действительности:

7) ... *elle en caressait la chaux écaillée en bredouillant: «Si j’aurais jamais cru...»* (H. Bazin, *Cri de la chouette*) ‘... она гладила отшелушившуюся известь и невнятно повторяла: Если бы я знала...?’;

8) *Même si j’aurais aimé en savoir plus, je ne prolongeais pas le contact* (Ch. Angot, *Rendez-vous*). ‘Даже если бы мне захотелось узнать об этом больше, я бы не стал продолжать общение’.

Нарушения затрагивают и функционирование сослагательного наклонения *Subjonctif*. Достаточно часто в современном французском языке наблюдается его аграмматичное использование в придаточном предложении после безличной конструкции *il est probable* ‘вероятно’, где правила грамматики предписывают употребление изъявительного наклонения *Indicatif*. Можно предположить, что подобная «вольность» позволяет автору «преступить» ту тонкую грань, которая отличает «вероятное» от «возможного», и придать высказыванию более выраженный оттенок субъективности. Например:

9) *Il est probable que nous ayons partagé le désir de boire, l'un dans l'autre, jusqu'à plus soif* (H. Bianciotti, *Le Pas si lent de l'amour*). 'Вероятно, мы разделяли желание испить друг друга, чтобы утолить жажду...';

10) ...*il est probable que vos parents aient préféré que vous passiez vos journées dans un autre quartier* (M. Lévy, *L'étrange voyage de Monsieur Daldry*). 'Вероятно, ваши родители предпочли бы, чтобы вы проводили дни в другом квартале'.

Не исключено также, что причиной отступления от правил в ряде случаев становится и банальный принцип аналогии с несинонимичной, но в некоторой степени созвучной конструкцией *il est possible que* 'возможно, что', которая всегда сопровождается придаточным предложением с предикатом в форме *Subjonctif*.

Обращают на себя внимание и некоторые случаи аномальной сочетаемости имени существительного с предлогом. Так, после глаголов *être* 'быть', *aller* 'идти' вместо нормативного предлога *chez* 'к, у' перед одушевленным именем существительным можно встретить предлог *à* 'в', используемый перед названиями объектов. Как правило, подобная аномалия встречается в устной разговорной речи перед названиями профессий, которые легко ассоциируются с соответствующим местом. В художественном тексте такое нарушение позволяет автору придать повествованию живой, непринужденный и неформальный характер. Ср.:

11) *Elle ne voulait pas me croire, elle ne voulait jamais aller au médecin* (M. Proust, *À la recherche du temps perdu*). 'Она не хотела мне верить, она никогда не хотела сходить к врачу'.

12) *Elle doit être au coiffeur, ou chez la manucure* (R. Fallet, *Le Triporteur*). 'Она, должно быть, у парикмахера или на маникюре'.

Приведем другие примеры аномального использования предлогов. Так, вслед за ставшими крылатыми фразами (*C'est la faute à Voltaire...* 'Это вина Вольтера', *C'est la faute à Rousseau...* 'Это вина Руссо') из песни Гавроша, персонажа известного романа В. Гюго, ненормативная конструкция *la faute à* нередко «конкурирует» с нормативной *la faute de*. Отметим, что Французская Академия не поощряет данное сочетание и относит его к разговорным, просторечным выражениям. Ср.:

13) *Je danse et je vomis, c'est la faute à Matou* (H. Guibert, *L'incognito*). 'Я танцую и меня тошнит, виноват Мату';

14) *C'est la faute à son père! dit Élie* (R. Sabatier, David et Olivier). 'В этом виноват его отец! – сказала Эли'.

Интересная тенденция наблюдается в последнее время и в употреблении каузального предлога *faute de* 'из-за отсутствия / неимения'. В современных французских средствах массовой информации встречаются примеры его использования вместо предложной конструкции *par la faute de* 'по вине', что, по-видимому, связано со стремлением авторов к лаконичности изложения, свойственной новостным текстам. Ср.:

15) *Faute de Covid-19, des spectateurs assistent au Chemin de Croix derrière les barrières de la place Saint-Pierre* (le Figaro, 03/04/2021). ‘Из-за Ковид-19 зрители наблюдают Крестный ход за ограждениями на площади Сэнт-Пьер’;

16) *Mondial 2021: Pas de spectateurs en Égypte faute de Covid-19* (интернет-издание www.sport.fr). ‘Чемпионат мира 2021: Нет зрителей в Египте из-за Ковид-19’.

Можно предположить, что в случае массового использования предлога *faute de* в новом значении последнее может постепенно закрепиться как один из допустимых вариантов. Отметим, что подобная эволюция имела место с конструкцией *en fait de*, которая помимо значений ‘что касается’ и ‘как, в качестве’ во второй половине прошлого века стала использоваться в значении ‘вместо’ [7]. Ср.:

17) *Un garçon de l'âge de Nicolas lança à celui-ci que c'était génial, et son père, qui avait fait le tour avec lui, adressa au père de Nicolas un petit sourire entendu, signifiant qu'en fait de génial c'était plutôt éprouvant* (E. Carrère, *La Classe de neige*). ‘Мальчик в возрасте Николя сказал ему, что это было гениально, а его отец, гуляющий с ним, посмотрел на отца Николя с красноречивой улыбкой, означающей, что вместо “гениально”, это было скорее утомительно’;

18) *Vous savez, pendant notre semaine à Martha's Vineyard, en fait de prétendre être avec une amie, elle avait tout simplement fugué* (J. Dicker, *La vérité sur l'affaire Harry Quebert*). ‘Вы знаете, во время нашего недельного пребывания в Марта-Винъярд вместо того, чтобы утверждать, что она у подруги, она просто сбежала’.

Стремление к емкому и лаконичному изложению проявляется и в нарушениях синтаксического построения предложения. Так, вместо придаточного предложения во фразах можно встретить использование обособленных причастных оборотов и определений, не соотносящихся, как этого требуют правила грамматики, с подлежащим главного предложения [8]. При этом парадокс заключается в том, что адресат адекватно понимает смысл написанного благодаря предшествующему контексту или наличию в структуре предложения соответствующих дополнений. Ср.

19) *Adolescents, la défaite les avait étourdis; ils s'étaient désolés de ne plus respecter personne, ni leurs pères ni la meilleure armée du monde qui avait foutu le camp sans combattre*. (J.-P. Sartre, Paul Nizan) ‘Когда они были подростками, поражение их потрясло; они сокрушались, потеряв веру в кого бы то ни было, в своих отцов, в лучшую армию мира, которая сбежала с поля без боя’.

20) *Je me sentais claquer au vent comme une mâture. Creusé par le milieu, les yeux brûlés, les lèvres craquantes, ma peau se desséchait jusqu'à ne plus être mienne*. (A. Camus, *Noces*). ‘Я чувствовал, как трясусь от ветра, словно рангоутное дерево. Согнувшись пополам, с горящими глазами, потрескавшими губами и кожей, которая сохла так, что я переставал ее чувствовать’.

Таким образом, грамматические аномалии, будучи результатом переосмысления устоявшихся языковых норм и закономерностей, имеют особую функциональную значимость в высказывании / тексте, позволяя говорящему не только передавать особые замыслы, чувства и переживания, но и определенным образом воздействовать на адресата. Существование и целенаправленное использование носителями языка различного рода «вольностей» в отношении правил морфологии и синтаксиса свидетельствуют о креативном потенциале французской грамматики и являются немаловажным фактором эволюции языковой системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мурдускина О. В. Языковые аномалии как средство самоорганизации англоязычного дискурса: на материале художественных и публицистических текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Самара, 2011. 24 с.
2. Радбиль Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие : монография. М. : МПГУ, 2006. 320 с.
3. Апресян Ю. Д. Языковые аномалии: типы и функции // Res Philologica = Филологические исследования : памяти академика Г. В. Степанова (1919–1986). М., 1990. С. 50–71.
4. Grand dictionnaire Linguistique & Sciences du langage / J. Dubois [et al.]. Paris : Larousse, 2007. – 514 p.
5. Степанова А. Н. Очерки-размышления и цитации о прагмасинтаксисе французского языка: имя и его детерминативы. Минск : МГЛУ, 2000. 279 с.
6. Sablayrolles J.-F. Créativité lexicale en discours liée à l'existence de paradigmes [Electronic resource] // Signata. 2017. № 8. URL: <http://journals.openedition.org/signata/1345> (accessed: 20.10.21).
7. Lagae V. Evolution et diversification des emplois de la locution *en fait de* [Electronic resource] // Journal of French Language Studies. 2007. Vol. 17, iss. 3. P. 277–295. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-french-language-studies/article/abs/evolution-et-diversification-des-emplois-de-la-locution-en-fait-de/AECAE15797BC953B13FC32F470CFB3EC> (accessed: 20.10.21).
8. Neveu F. «Anomalies» syntaxiques aux avant-postes de l'énoncé [Electronic resource] // Pratiques. 2015. № 167–168. URL: <http://journals.openedition.org/pratiques/2661> (accessed: 20.10.21).

Казловская Людмила Павловна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка
УО «Минский государственный лингвистический университет»

Бартош Наталья Николаевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка
УО «Минский государственный лингвистический университет»

Ludmila P. Kazlovskaya

PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of French Phonetics and Grammar
Grammar Department, Minsk State Linguistic University
ludmilak@tut.by

Natallia N. Bartosh

PhD in Philology, Associate Professor of the Department
of French Phonetics and Grammar Minsk State Linguistic University
belnata2011@gmail.com